

Плюснин Ю.М.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ В НАУКЕ.

Опыт социально-психологического расследования

Аннотация

На основе анализа результатов социологического опроса 565 научных сотрудников Новосибирского научного центра (10% всей совокупности), проведённого в 1996 г., выявлена группа респондентов, однородных по характеру своих ответов, что позволило определить их как «лишних людей» в науке. Доля этих учёных составила около 15%. По своим социально-профессиональным и статусным характеристикам представители этой группы не отличаются от остальных учёных, за исключением того, что среди них повышена доля женщин.

Социально-профессиональные и ценностные установки «лишних людей» не связаны с научной деятельностью, которая рассматривается ими как вынужденная и временная. Они в любой момент готовы уйти из науки, лишь бы появилась возможность. Интенсивность их труда за последние несколько лет значительно снизилась. «Лишние люди» в целом негативно оценивают характер и основные составляющие научной деятельности своего коллектива, вообще место науки в современном обществе. Как следствие, они не желают своим детям идти в науку. Они сознают своё периферийное положение в научном сообществе. Общая негативная оценка положения науки сочетается у них с установкой на сохранение старых организационных форм академической науки.

Социально-психологическими особенностями «лишних людей» являются повышенный уровень психоэмоционального напряжения (уровень стрессированности), неблагоприятный фон повседневного настроения, сокращенное планирование научной деятельности и личной жизни, пессимистическая оценка индивидуальных перспектив. Эти учёные не удовлетворены психологическими отношениями в своём коллективе и ожидают неблагоприятных для себя преобразований структуры института. Им свойственна высокая ригидность стереотипов поведения в науке, консерватизм установок. По результатам исследования создан обобщённый психологический портрет учёного с установками «лишнего человека» в науке.

Табл. 1. Рис. 6. Библ. 5.

Plusnin Ju.M.

UNNECESSARY PEOPLE IN THE SCIENCE: SOCIAL PSYCHOLOGICAL INVESTIGATION

Summary

The specific on its social, psychological, and professional attitudes compact group of scientists was distinguished by statistic analysis of the sociological data receiving with the 565 respondents (10% of general totality) working in Novosibirsk science center in 1996 year. This group, named «unnecessary people in the science» (UP) is consisting about of 15 percentages of respondents. The UP do not different with the rest their social or professional traits expect sex. The UP have not displaying the professional attitudes connected with scientific activity. The psychological state as a daily mood, emotional stress, interaction with colleges of the UP-group's members is below then others respondents. The UP-scientists understand well that they are on the peripheral position in scientific community.

Проблема «избыточности» российской академической науки актуальна, по-видимому, достаточно давно, ещё с 70-х годов [1] но широкие практические действия в этом направлении получили наибольшее распространение начиная, конечно, с 1992 г. Все эти годы одним из главных аргументов является тот, что в науке немало лишних людей, учёных, занимающих ставки, но не производящих нового научного знания. Если смотреть на проблему с обыденной точки зрения, то действительно, любой учёный скажет, что в научном коллективе, где он работает, всегда найдутся, всегда есть случайные люди. Кто-то говорит, что это процентов пять-десять, кто-то считает, что таких в науке 70–80% [2]. Однако, если исходить из социокультурной специфики научной деятельности и производства научного знания, то в этом случае, как давно известно (см. [3]) проблема «лишних людей» не столь проста и очевидна.

Между тем, государственная политика в области науки, направленная на значительное сокращение численности научного сообщества, так или иначе влияет на сознание самих учёных, трансформируя их представления о своём месте в структуре общественного производства. Помимо воли учёного формируется представление, что в науке действительно много лишних людей, избавление от которых повысит не только эффективность, но и обеспеченность оставшихся исследователей.

Надо думать, что часть учёных это представление интериоризирует, переносит на себя, начиная оценивать процесс и результаты своей деятельности в науке как пограничные её основным направлениям и целям. Так может сложиться некая совокупность маргинальных учёных, внутренне убеждённых в том, что они в науке лишние люди.

Очевидно, что аналогичного представления о своём месте в науке должны держаться и люди, совершенно лишённые интереса к научной деятельности, то есть не только сознающие, но и внутренне поддерживающие свой маргинальный статус в научном сообществе. Так или иначе, но обе эти разные по происхождению группы будут чувствовать себя «лишними людьми» в научном сообществе, что найдёт определённое проявление в их поведении и установках. В силу сходства этих психологических реакций дифференцировать различие их источников невозможно, можно лишь выделить специфическую группу учёных, которые по целому комплексу признаков сами себя относят к «маргиналам» в науке, к «лишним людям».

Именно эта проблема и составила задачу данного исследования: каковы представления о науке, научной деятельности, о статусе учёного и его месте в сообществе у тех научных работников, которые явно или неявно мнят себя «лишними людьми» в науке. Критерием выбора послужила психологическая установка самих учёных на своё маргинальное положение в науке, периферийность среди коллег в лаборатории, в научном сообществе.

Для такого рода исследования я воспользовался массивом данных, полученных при опросе 565 научных сотрудников новосибирского Академгородка в июне 1996 г. (характеристика выборки дана в [2]). Необходимо отметить, что опрос проводился только среди учёных и не включал инженерный и научно-технический персонал; кроме того, подавляющая часть научных сотрудников ННЦ продолжает работать в Сибирском отделении РАН и сейчас, когда происходит подготовка и начало новой, вероятно, наиболее значительной кампании кадровых сокращений в Академии наук, так что представления и установки людей, выраженные ими два года назад, ещё ничуть не потеряли актуальности.

Для выделения группы «маргиналов» были проанализированы все вопросы «Анкеты сотрудника Новосибирского научного центра», применявшейся нами в социологическом исследовании 1996 г. (см. [3]). В конечном счёте был отобран один вопрос, включающий в себя комплекс из 7 отдельных позиций. Вопрос сформулирован следующим образом: *«Положение в науке, как известно, сейчас довольно сложное. Что в наибольшей степени заставляет Вас сегодня сохранять верность науке и продолжать*

работать в институте? Попробуйте, пожалуйста, оценить степень влияния каждого из перечисленных факторов». Далее приводились фиксированные варианты ответов, которые респондент должен был ранжировать по значимости на шкале от 1 (минимальное, практически нулевое значение) до 5 (максимальное значение).

Анализ особенностей распределения всех вариантов ответов на каждый из семи подвопросов для всей совокупности учёных обнаружил существование двух чётко дифференцированных кластеров, хорошо интерпретируемых (см. таблицу и рис. 1). Кластеры характеризуют две полярные по своим установкам выборочные подгруппы учёных. Одна из этих подгрупп в качестве важнейших мотивов сохранения верности науке указывает *«надежду на позитивные изменения», «стремление быть нужным, полезным обществу»* и *«мне нравится моя профессия, работа»*. Наоборот, остальные четыре мотива, вынуждающие учёного сохранять верность науке для респондентов этой подгруппы оказываются несущественными (это *«материальная необходимость», «привычка, сложность смены образа жизни», «невозможность найти лучшего места»* и *«боязнь остаться без работы»*). Численность данной подгруппы составили 289 учёных (51,2% всей выборки). Исходя из характера мотивов сохранения верности науке эти исследователи были условно названы «людьми на своём месте» в науке, «центральной», или подгруппой А.

Полярная по своим установкам подгруппа респондентов – это учёные, для которых мотивы *материальной необходимости, привычки* и, особенно, *невозможности найти другого, лучшего места при боязни остаться без работы*, оказались ведущими причинами того, что они продолжают работать в академических институтах (эти респонденты давали оценки преимущественно «4» и «5» индивидуальной значимости указанных четырёх факторов). Численность подгруппы составила 88 человек (15,6%). (Формально подгруппа выделена по высоким оценкам, приписываемым респондентами ответам только на два вопроса: *«боюсь остаться без работы»* и *«не могу найти лучшего места»* – респонденты считали эти причины важнейшими, что заставляет их оставаться в науке. При этом с чисто психологической точки зрения первой причине – *боязни остаться без работы* – мы придали значение более важного фактора, чем второй причине – *невозможности найти лучшего места*, -- хотя оба фактора имеют очень тесную связь: коэффициент корреляции между ними составляет для всей выборки 0,57¹). Соответственно, данная подгруппа была определена как «лишние люди» в науке; «периферийная», или подгруппа Б. Качественный анализ ответов этих респондентов на другие вопросы анкеты, касающиеся отношения к науке, её ценностям, научной деятельности в целом и отдельных характеристик труда учёного, дал ещё большие основания относить их к действительно лишним людям в науке (обращу ещё раз внимание на то, что такой «диагноз» поставлен исключительно в результате анализа индивидуальных установок самих учёных, проявившихся в их ответах на вопросы анкеты).

Как же относятся учёные, так оценившие своё место в науке, к самой академической науке, к её перспективам? Чем отличается от других учёных положение этих людей в научном коллективе? Есть ли какие-то индивидуально-психологические особенности у людей, которые в сфере своей профессиональной деятельности чувствуют себя маргиналами?

Оказалось, что почти по всем анализируемым в анкете социально-профессиональным характеристикам обе подгруппы не отличаются от остальной части выборки и друг от друга. У них нет сколь-нибудь значимых различий по учёной степени, должности и продолжительности работы в академической науке, по тому, работают ли они в подразделениях фундаментального или прикладного направления. Не различаются эти учёные и своим возрастом (правда, в подгруппе Б сравнительно с подгруппой А меньше доля молодых исследователей и выше доля учёных в возрасте 35-50 лет,

¹ Здесь и далее, если не оговаривается особо, приводятся парные коэффициенты корреляции Пирсона r на объёме всей выборки, $N > 500$.

но различия недостоверны). Отличие же подгруппы «лишних людей» от подгруппы «своих в науке» наблюдается только по полу: среди первых достоверно выше доля женщин (41% против 29,4% во всей выборке и 25% в подгруппе А).

Таблица

Матрица интеркорреляций отдельных факторов, указываемых в качестве причин сохранения учёными верности академической науке

	1. Надежда на позитивные изменения	2. Материальная необходимость	3. Привычка, сложно сменить образ жизни	4, Стремление быть полезным обществу	5. Нравится работа и профессия	6. Не могу найти лучшего места	7. Боюсь остаться без работы
1. Надежда на позитивные изменения	1,000 535	0,001 0,982	-0,106 0,015	0,228 0,000	0,118 0,007	-0,115 0,009	-0,121 0,006
2. Материальная необходимость	524	1,000 533	0,342 0,000	0,113 0,011	0,003 0,936	0,209 0,000	0,336 0,000
3. Привычка, сложно сменить образ жизни	522	520	1,000 536	0,035 0,427	-0,098 0,025	0,224 0,000	0,294 0,000
4, Стремление быть полезным обществу	509	508	507	1,000 515	0,166 0,000	-0,130 0,003	-0,011 0,797
5. Нравится работа и профессия	528	527	528	512	1,000 548	-0,292 0,000	-0,167 0,000
6. Не могу найти лучшего места	518	517	518	508	518	1,000 524	0,459 0,000
7. Боюсь остаться без работы	517	516	517	504	517	519	1,000 523

Верхнее значение – коэффициент корреляции Пирсона; нижнее значение – уровень значимости. В нижней левой части таблицы приведено число пар значений, по которым вычислялись коэффициенты корреляции.

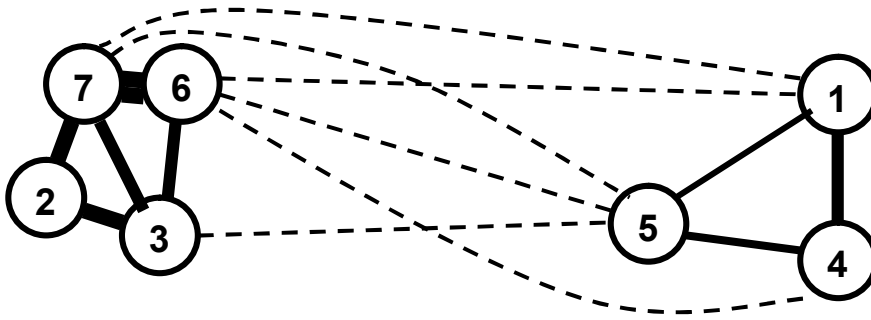

Рис. 1. Корреляционные кластеры, характеризующие структуры ответов об основных причинах продолжения работы учёного в науке. Выделяются два компактных кластера (толщина стрелки и расстояние характеризуют степень связи между отдельными факторами), которые между собой находятся в отрицательной корреляционной зависимости (пунктирные линии указывают значимые отрицательные связи между факторами). Кластер, объединяющий три фактора (№№ 1, 4 и 5), указывает на важность таких причин сохранения верности науке как (1) надежда на позитивные изменения, (4) стремление быть нужным, полезным обществу, (5) нравится профессия и работа. Кластер из четырёх факторов (№№ 2, 3, 6, 7) объединяет такие причины продолжения работы в НИИ как (2) материальная необходимость, (3) привычка, сложно сменить образ жизни, (6) невозможность найти лучшего места, (7) боязнь остаться без работы. Матрица интеркорреляций, по которой построен рисунок, приведена в табл. 1).

Следовательно, представители группы «лишних» учёных не могут считаться дискриминированными в отношении своего профессионального или должностного статуса в научном сообществе. Нельзя связать маргинальный характер их установок и с возрастом, а только в какой-то степени они определяются полом ($r = 0,145$). Всё это может говорить о том, что выявленные у учёных данной подгруппы установки носят характер внутренних, индивидуальных, сложившихся на основе давних представлений о своём месте в академическом научном сообществе.

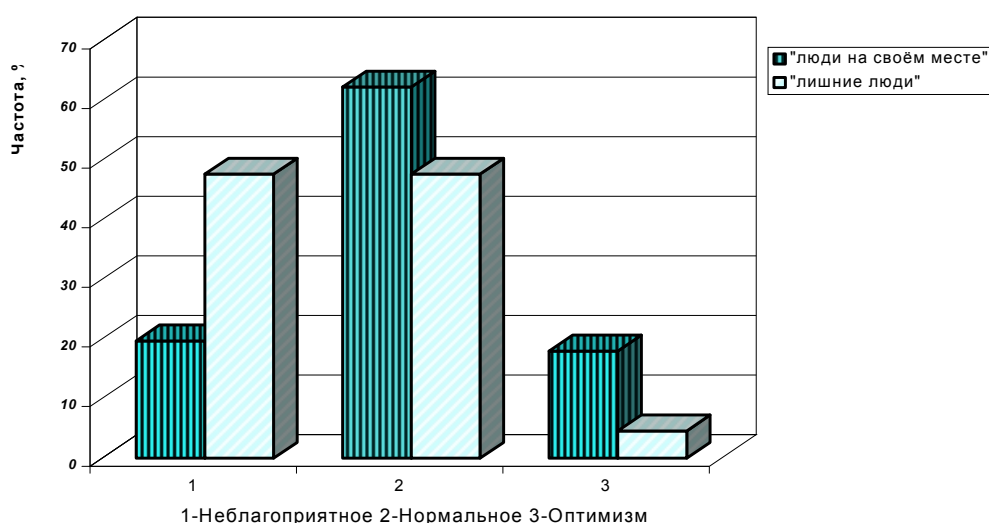
* *

Самой поразительной особенностью учёных этой группы является то, что им *много не нравится*. Не только оценки своего положения в науке и положения самой академической науки, но и оценки материального благосостояния своей семьи, характеристика отношений между людьми в быту и в работе почти всегда оказываются хуже, негативнее средних оценок по всей выборке учёных и особенно оценок, которые дают в аналогичных случаях представители полярной им подгруппы А, «своих людей в науке». С моей точки зрения, если человек высказывает недовольство условиями, характером профессиональной деятельности, организацией процесса научного поиска, отношениями в коллективе, своим местом в сообществе коллег, то это – очень важный психологический признак его маргинального положения в профессиональной среде, которое он вполне осознаёт.

Рассмотрим некоторые наиболее выделяющиеся частные особенности психологической реакции и социальных ориентаций таких учёных.

Самооценки повседневного психологического состояния «лишних людей» существенно хуже, чем средние (коэффициенты корреляции значимо высоки и находятся в интервале от $-0,27$ до $-0,29$). Хотя, как известно, в последние годы психологический статус учёных далеко не благоприятный: (см [4]), но даже на этом фоне оценка сопряженности признаков повседневного психологического состояния у представителей «лишних людей в науке» и «людей на своём месте» показывает, что различия между ними по критерию Хи-квадрат очень существенны ($\chi^2 = 30,9$; $p < 0,005$, $k = 2$), причём основной вклад обеспечен за счёт повышенной доли в выборке лиц с неблагоприятным психологическим статусом, а не тех, у кого эмоциональное состояние нормальное или прекрасное (см. рис.2).

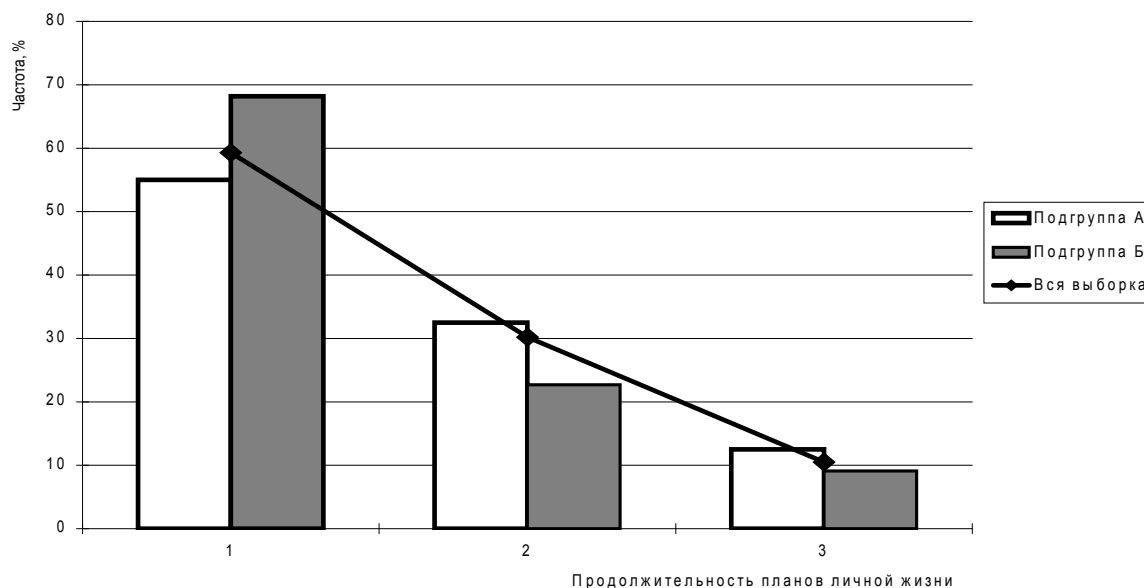
Рис. 2. Психологический статус учёных двух полярных подгрупп А и Б

Можно было бы предполагать, что поскольку в подгруппе Б повышена доля учёных-женщин, – а, как известно, их оценки своего повседневного состояния обычно ниже, чем у мужчин, – то смещение обусловлено именно за счёт этой причины. Однако влияние пола оказалось весьма незначительным. Частные коэффициенты корреляции при контроле фактора пола респондента находятся в интервале $-0,185$ – $-0,22$, что хотя и несколько меньше общих (простых) коэффициентов ($-0,19$ и $-0,25$), но указывают на высокий уровень значимости ($p < 0,0001$) различий между представителями двух анализируемых подгрупп, независимо от их пола.

Перспективы личной жизни и научной деятельности у «лишних людей» укорочены (см. рис. 3). Представители подгруппы Б имеют, сравнительно с учёными из подгруппы А, менее продолжительные планы личной жизни ($\chi^2 = 5,95$; $p = 0,05$, $k = 2$). Если в среднем учёные планировали свою жизнь на 14-15 месяцев, то представители подгруппы Б – менее чем на 12 месяцев (почти на 20% короче). Отсутствие какого-либо планирования или планы продолжительностью всего от нескольких недель до полугода имеют 68% в подгруппе Б и 55% в подгруппе А. При этом длительность планирования у женщин не ниже, чем у мужчин. Хотя статистически различия невелики и находятся на самой границе 5%-ного уровня значимости, они всё же показательны прежде всего в психологическом отношении, поскольку частные жизненные планы непосредственно не связаны с процессом научной деятельности.

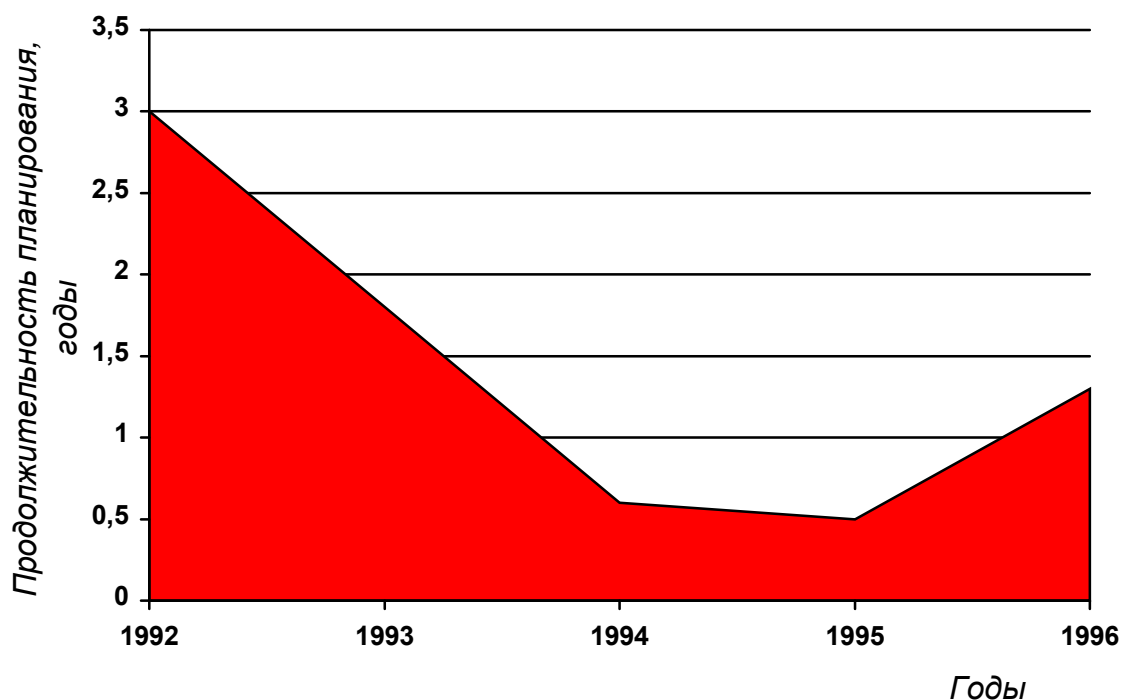
Рис. 3. Различия в продолжительности планирования личной жизни у учёных подгрупп А и Б. 1 – длительность планирования от 0 до полугода; 2 – от 1 до 3 лет; 3 – от 3-5 лет до конца жизни (более чем на 10 лет вперёд).

Научное планирование практически повторяет картину планирования личной жизни. В подгруппе «лишних людей» также 68% указывают самые минимальные сроки планирования, не далее полугода, а в подгруппе А такие сроки научного планирования устанавливают для себя 55%; максимально же длительные планы у 9,2% и 12,5% учёных соответственно (очевидное предположение о тесной корреляции длительности перспектив научной деятельности и планов личной жизни, естественно, полностью подтверждается).

Изучая достаточно давно проблему психологии планирования жизни и деятельности учёными, я зафиксировал выраженную динамику сроков перспективного планирования, которая прямо связана с общими социально-политическими процессами и коренными изменениями в организации научного сообщества (см. [5], а также [2]). В период формирования острого кризиса науки, начала её «шоковой терапии» научное планирование сохраняло ту длительность в 2-5 лет, что характерно для исследователя в нормальных (социально-стабильных) условиях. К 1994-95 годам средние сроки планирования предельно сократились и стали поразительно низкими – около полугода. К 1996 году индивидуальные научные перспективы возросли в два раза и в среднем стали составлять 1,3 года (см. рис.4). Естественно, что это крайне низкие, абсолютно недопустимые для специалиста высшей квалификации уровни перспективного планирования. Между тем, и даже на этом фоне «лишние люди» демонстрируют ещё меньшие сроки планирования своей научной деятельности – в среднем они составляют чуть менее 1 года, т.е. короче не менее чем на 20 - 25% по сравнению со всеми респондентами и не менее чем на 1/3 – по сравнению с учёными «центральной» подгруппы А.

Рис. 4. Средние сроки перспективного планирования научной деятельности учеными ННЦ в 1992 – 1996

Представители подгруппы «маргинальных» учёных считают, что их материальное положение неблагоприятно и хуже, чем у большинства. При этом даже на общем фоне низких оценок качества жизни (качества питания, возможности поддержания своего здоровья, досуга, культурного отдыха), характерных для всех учёных [2], эта их периферийная часть составляет предел пессимизма. Сравнительно с подгруппой А представители подгруппы Б оценивают структуру своего бюджета как менее благоприятную. Они больше тратят на питание и коммунальные расходы и меньше – на вещи, досуг. У учёных этой группы как правило, нет дополнительных доходов в виде работы по совместительству, подработок, что также отличает их от представителей подгруппы А ($r = - 0,15$; $p < 0,004$). Соответственно, и оценки уровня их жизни в целом оказываются существенно хуже, чем у остальных учёных ($r = - 0,18$; $p < 0,002$). Распределение ответов на вопрос о том, к какой категории по уровню жизни они себя относят, показывает (см. рис. 4) крайне низкую самооценку своего материального положения (напомню, что при этом представители данной подгруппы в социально-профессиональном плане занимают те же позиции, что и представители подгруппы А, то есть располагают в принципе одинаковыми возможностями материального обеспечения).

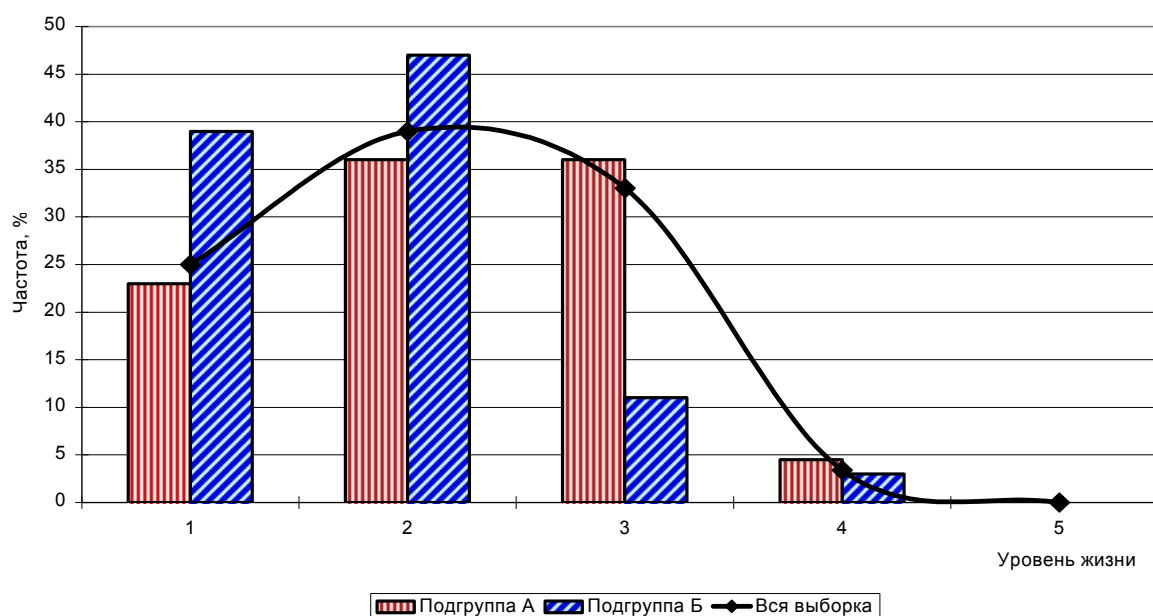
Отношения в научном коллективе складываются для таких учёных, с их же собственной точки зрения, чаще неблагоприятно. Например, «лишние люди» характеризуют межличностные отношения в лаборатории как плохие почти в два раза чаще, чем учёные подгруппы А и во столько же раз реже – как хорошие.

Неудовлетворённость этих людей психологическим климатом в лаборатории связана, видимо, и с опасениями относительно неблагоприятных для них структурных изменений: «лишние» учёные почти в 4 раза чаще ожидают, сравнительно с коллегами, что сокращения в лаборатории и институте неминуемо будут. Если среди других учё-

ных около 49% уверены в том, что сокращения штатов института скоро вновь начнутся, то среди «лишних» учёных таких 72%.

Ожидания своего ухода (чаще вынужденного, а не добровольного), они сочетают с неблагоприятными перспективами развития научного сообщества новосибирского Академгородка в целом (см. ниже). При этом очень важным фактором, в какой-то мере могущим смягчить ожидаемое кадровое сокращение, эти исследователи считают создание в НИЦ учреждений переобучения и нового трудоустройства высвобождающихся научных работников (показательно, что это едва ли не единственный вопрос, в ответе на который «лишние» учёные продемонстрировали большую конструктивность по сравнению с остальными коллегами). Их уверенность в необходимости таких учреждений в три раза выше, при том, что среди них тех, кто считает подобные учреждения ненужными в четыре раза меньше, нежели среди представителей подгруппы А. Потенциально такой характер ответов может изобличать намерения представителей «лишних людей» в науке активнее остальных искать пути к отступлению, дополнительные возможности нового трудоустройства. Соответственно такой установке расценивают эти люди и мотивы ухода из науки других учёных.

Рис. 5. Различия в оценках уровня жизни семьи между учёными подгрупп А и Б

Каковы основные причины, по которым, с точки зрения этих людей, учёные уходят из институтов? Здесь экстраполяция собственных мотивов ухода из науки на коллег, решившихся на этот шаг, мне представляется весьма значительной. Основные мотивы ухода из науки для «лишних людей» следующие: 1) падение её престижа; 2) утрата уверенности в завтрашнем дне; 3) отсутствие возможностей профессионального роста; 4) отсутствие возможностей для социального самоутверждения. Все четыре мотива имеют почти одинаковую значимость в глазах учёных данной группы, причём значимость эта выше, чем у остальных исследователей.

Характер научной деятельности учёных из подгруппы «лишних людей», по их собственным оценкам, отличается целым рядом негативных моментов (и ни одним позитивным!) сравнительно с деятельностью исследователей, чувствующих себя в науке «на своём месте». Так «маргинальные» учёные полагают, что сейчас сильно возросла конъюнктурность в выборе тем научных исследований, тогда как большинство учёных из подгруппы «своих людей» так не считают. При этом количество тем, которые одновременно ведёт тот или иной учёный, значительно меньше в группе «маргиналов» по

сравнению с «ядерной» группой: в первом случае доля тех, кто ведёт одновременно несколько тем, составляет 37%, а во втором – 53%. Тем самым, 2/3 учёных из подгруппы Б занимаются только одной или в основном одной темой, тогда как в подгруппе А таких исследователей меньше половины. Данный признак – тематическое разнообразие исследований – представляется достаточно ярким дискриминатором, по которому учёный относится либо к центральной, либо к маргинальной группе (сравнение по критерию Хи-квадрат свидетельствует о высокой значимости различий между подгруппами по данному признаку: $\chi^2 = 7,82$; $p < 0,002$, $k = 2$). Темы же исследований у представителей подгруппы Б носят, по их словам, скорее прикладной или смешанный характер, реже – фундаментальный. Может быть поэтому такие учёные существенно ниже, чем их коллеги из подгруппы А, оценивают и уровень фундаментальных исследований в своём родном институте, а также в целом профессиональный уровень своих коллег? (коэффициенты корреляции хотя и невелики, но значимы и в такой связи виден определённый смысл: в первом случае $r = -0,16$; $p < 0,0002$, во втором – $r = -0,10$; $p < 0,01$).

При этом и интенсивность труда у учёных – «лишних людей» снизилась в последние два-три года очень значительно по сравнению с остальными опрошенными учёными. У каждого четвёртого из них (24,7%) она снизилась (в подгруппе А – у 18,7%), а увеличилась же интенсивность работы только у 18,5% учёных подгруппы Б и у 33,3% учёных подгруппы А. Сопоставление долей исследователей в каждой из подгрупп, повысивших или снизивших интенсивность своего труда, показывает, что показатели подгруппы «лишних учёных» хуже в 2,4 раза показателей научных работников подгруппы А. Возможно, в связи с этим стоит и негативная оценка «маргинальными» учёными уровня обеспеченности их обслуживающим персоналом и своих возможностей публикации результатов исследований сравнительно с остальными опрошенными исследователями.

Как видно по некоторым признакам, сами «лишние» учёные признают, что в содержательном (не в формально-статусном) смысле их статус в науке ниже, чем у учёных, уверенно занимающих центральное положение в сообществе. Соответственно этому и оценки перспектив академической науки в России и в Сибирском отделении РАН у «лишних» учёных в большей степени оказываются негативными. Оценивая общее состояние науки в НИЦ в настоящее время, представители подгруппы Б в 2 раза чаще, чем представители подгруппы А, указывают, что оно критическое (43% против 22%), а в целом неблагоприятные оценки характерны более чем для 70% этих учёных (против 58% остальных). Они менее склонны думать, что структура научных исследований не претерпела существенных изменений, уверенные в том, что возрастает прикладная направленность в работах коллективов институтов Академгородка. Представители подгруппы А далеко не так уверены в этом. Критическое состояние научного сообщества представляется «маргинальным» учёным как разрыв и атомизация связей между институтами и научными подразделениями, разрушение воспроизводственного механизма науки, уход учёных. Ясно, что это согласуется с общим мнением большинства опрошиваемых учёных, но поляриность оценок в подгруппе «лишних людей» оказывается более выраженной. Достаточно показательным, например, то, как оценивают представители маргинальной подгруппы Б профессиональный уровень учёных, уже покинувших институты НИЦ, сравнительно с представителями «центральной» подгруппы А. При согласии в оценках того, какова среди ушедших доля нужных и перспективных исследователей или учёных разного уровня, они в два раза реже считают, что из институтов уходят действительно лишние люди. Не может ли здесь иметь место влияние внутренней установки, по которой человек, понимая свою периферийность в науке, не хочет признаться в этом?

Отношение «лишних учёных» к процессам в науке, которые условно можно назвать «коммерциализацией», приспособлением к рынку, тоже достаточно показательным. Они в большей степени, чем другие учёные, полагают, что коммерциализация науки

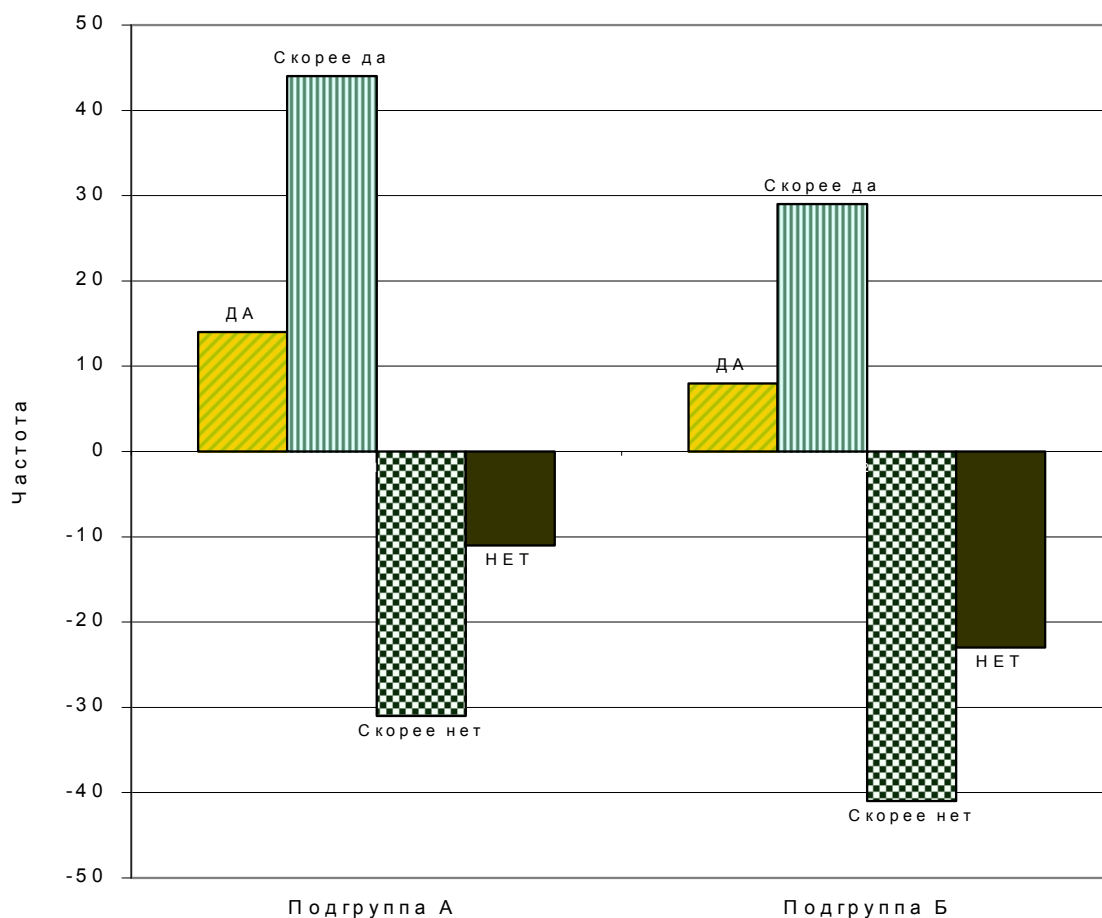
ведёт к ограничению возможностей использования творческого потенциала учёного, порождает нездоровый ажиотаж и дух предпринимательства, соперничество, конъюнктурность в выборе тем научных исследований, поверхностность разработок, ведёт к дифференциации учёных по материальному положению. Иными словами, отношение этих людей к новым, непривычным формам организации и обеспечения научных исследований оказывается почти во всех случаях более негативным, чем у остальных опрошенных учёных. Они демонстрируют здесь не только консерватизм, но и ригидность установок, верность давно сложившимся стереотипам поведения. Это, в частности, подтверждается и их отношением к возможности создания программы организационной перестройки науки на уровне ННЦ. Только треть (34%) представителей подгруппы Б допускает такую возможность (в подгруппе А таких 41%). Вторая треть (36%) считает такую программу нереальной (в подгруппе же А таких 45%). А около 30% «маргинальных» учёных вообще затрудняются определить своё отношение (против 13,5% учёных подгруппы А). Соответственно, среди «лишних» исследователей наибольшая доля (75%) тех, кто считает, что перспективы научного сообщества ННЦ совершенно неопределённые, а руководство науки в лице Президиума СО РАН хотя и прилагает всевозможные усилия по сохранению и развитию ННЦ, но ничего реального сделать не способно. Показательно, что критическая оценка результатов деятельности руководства характерна только для 26% учёных этой группы, тогда как такое отношение выражают 38% представителей «ядерной» группы. Между тем, невысокая критичность в отношении деятельности Президиума СО РАН сочетается с негативным отношением к действиям государства в отношении науки. Здесь «лишние» учёные занимают значительно более жёсткую позицию, чем представители «ядерной» группы.

В целом выражено отрицательная оценка перспектив развития и возможностей структурной перестройки науки сочетается у «лишних» учёных с неблагоприятными прогнозами и воспроизводства академической науки. Так, они полагают, что роль базового вуза Новосибирского научного центра – университета – падает. Молодёжь, с точки зрения «лишних людей», не идёт в науку в основном по таким причинам как отсутствие здесь возможностей для самореализации и профессионального роста. А то, что часть молодёжи всё-таки приходит в науку, то основными факторами здесь выступают не высшие научные ценности (мотивы профессиональной деятельности в творческой атмосфере, тяга к познанию), или пример родителей, а ценности сугубо утилитарные – возможность использовать науку в качестве наилучшего канала «утечки» за рубеж.

Представление о разрушении механизмов воспроизводства науки, отчётливо демонстрируемое «лишними людьми», сопровождается и отказом от идеи профессионального воспроизводства в рамках семьи, ранее весьма популярной в среде академических учёных. Показательной особенностью учёных этой маргинальной группы является то, что они не желали бы своим детям и внукам идти в науку: 63% из них считают, что их детям не стоит связывать свою жизнь с наукой; в подгруппе же А людей с таким мнением около 42% (см. рис.6).

Рассмотренные особенности социально-профессиональных установок, характеристики, какие дают себе учёные из когорты «лишних людей», позволяют наметить абрис психологического портрета подобного типа среди исследователей. Какие самые яркие социально-психологические черты этого типа? Такой учёный консервативен, ориентирован на привычные и однозначно определённые структурные (формальные) связи. Связано это, по всей видимости, с его психологической ригидностью, низкой пластичностью поведения и способности достаточно легко подстраиваться к новым ситуациям, сообразуясь с изменяющимися условиями жизни.

Рис. 6. Распределение ответов учёных подгрупп А и Б на вопрос, хотели бы они, чтобы их дети и внуки пришли в науку

Повышенная стереотипность и ригидность является причиной того, что эти учёные плохо и долго адаптируются к новым условиям. Стабильность внешних условий требуется им как важнейшее условие внутренней стабильности. Но помимо ригидности и низкой пластичности, трудности адаптации обусловлены у таких людей ещё и их невысокой стресс-устойчивостью. Уровень эмоционального реагирования на всевозможные неблагоприятные жизненные обстоятельства у них сравнительно высок.

Учёный этого социально-психологического типа ориентирован на устоявшиеся теоретические схемы в науке и не склонен их оспаривать (возможно, что он будет и противником всяких новейших концепций). По всей видимости, можно предполагать у такого исследователя скорее конвергентный, а не дивергентный стиль мышления, аналитичность, но не синтетичность, предпочтение конкретным, эмпирически обоснованным схемам, отрицание интеллектуальной интуиции. Наука для этого учёного – прежде всего работа, но отнюдь не романтическое увлечение.

Соответствующие установки на процесс творчества и характер профессиональной деятельности формируют и определённую позицию в отношении организационной структуры, обеспечивающей жизнедеятельность учёного. Это ожидание и требование стабильности и неизменности, защищенности и патронажа. Поэтому, вероятно, учёные этой группы столь беспокоятся о стабильности своего института и всего Отделения, так склонны доверять руководству и поддерживать его, предпочитая искать виноватого скорее на стороне, чем в своей собственной среде. Подобные люди становятся опорой администрации в периоды стабильного существования (кроме того, они скорее коллек-

тивисты, нежели индивидуалисты). Но в тяжёлые периоды развала, период, в котором мы сейчас находимся, они теряют определённую ориентированность, их потребность в стабильности и защищённости не удовлетворяется в должной мере, и хотя они готовы до конца цепляться за существующую структуру связей, внутренне они скорее, чем другие готовы всё бросить и уйти, найдя более надёжное место.

Закончив в столь удручённом ключе, я не хотел бы, чтобы читатели почувствовали осуждение с моей стороны ценностных установок и позиций описанного здесь типа «лишнего человека» в науке. Мне хотелось бы составить беспристрастное, насколько возможно объективное, описание этого типа, не сбиваясь на моральные оценки. Ведь рыба любит где глубже, а человек ...

Благодарности

Автор выражает признательность А.А. Гордиенко, С.Н. Ерёмину, А.М. Аблажею, А.А. Путилову, вместе с которыми участвовал в исследовании 1996 г., послужившем основой для данной работы. Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 97-03-04411).

Литература

1. Гражданников Е.Д. Прогностические модели социально-демографических процессов. – новосибирск: наука, 1974. – С. 86-92; Китова Г.А., Кузнецов Б.В. Кадровый потенциал российской науки: особенности динамики в 90-х годах // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 1996. - № 4. – С. 189-198.

2. Гордиенко А.А., Ерёмин С.Н., Плюснин Ю.М. Академическая наука в кризисном обществе (на материалах мониторинга новосибирского Академгородка). – Новосибирск: изд. Института философии и права СО РАН, ЦСА, 1997. – 176 с.

3. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.; Малкей М. Наука и социология знания. – М.: Прогресс, 1983. – 254 с.

4. Гордиенко А.А., Еремин С.Н., Плюснин Ю.М., Путилов А.А., Аблажей А.М. Новосибирский академгородок в 1996 году // Социс, 1997, №12. – С. 69-79.

5. Плюснин Ю.М. Общественный кризис и академическая наука. Опыт психологического мониторинга научного сообщества новосибирского Академгородка, 1992 – 95 гг. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 1996. - № 1. – С. 256-262.